

УДК 327.7

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ» В ЕВРОСОЮЗЕ: КОНСТАНТЫ И ДИХОТОМИИ¹

© 2023 г. **РОМАНОВА Татьяна Алексеевна***

Кандидат политических наук

*Доцент Санкт-Петербургского государственного университета
193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд)*

***E-mail:** *t.romanova@spbu.ru*

Поступила в редакцию 07.04.2023

После доработки 29.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В последние годы в ЕС на наднациональном уровне активно обсуждается концепция «цифровой (технологический) суверенитет». Цель статьи – выявить основные тренды дискурса ЕС о цифровом суверенитете. Исследование основано на критической геополитике. Проведен дискурс-анализ практической геополитики (т. е. документов и выступлений представителей ЕС). В результате анализа выделены три константы: акцент на ценностях, совершенствование внутреннего рынка и стремление к лидерству в мире. Кроме того, выявлено пять дихотомий: наивность – геополитика, взаимозависимость – зависимость, открытость – закрытость, рынок – вмешательство государства, суверенитет через пра-вила – через материальное производство. Продемонстрировано, как в рамках этих дихотомий Евросоюз пытается примирить свои классические элементы влияния в мире (акцент на взаимозависимости и сотрудничестве, универсалистское продвижение ценностей и норм) и большую автономию, обоснованную его текущим восприятием мира. Несмотря на сохранение дихотомий в текстах, постепенно начинает доминировать вестфальский суверенитет. Это означает отказ ЕС от универсалистского продвижения ценностей и норм, более жесткое прочерчивание границ, консолидацию внутреннего пространства, сужение сотрудничества до дружественных стран. Евросоюз отходит от классических элементов силы (опоры на рынок, ценности и нормы, поощрения взаимозависимости со всеми

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00682).

странами мира). Этот тренд особенно ярко проявляется в цифровой сфере, но не ограничивается ею.

Ключевые слова: Европейский союз, цифровой суверенитет, технологический суверенитет, ценности, лидерство, критическая геополитика, геополитика, цифровое пространство, вестфальский суверенитет, взаимозависимость

DOI: 10.31857/S0201708323040022

EDN: bvrtnq

Цифровой суверенитет означает особенности регулирования и контроля сетевого оборудования, программного обеспечения, больших данных и иногда информационного пространства [Couture, Toupin, 2019]. Категория «цифровой суверенитет Евросоюза» возникла в 2015 г. [Glasze et al., 2022]. Ее официальное использование интенсифицировалось в 2019 г., но четкого определения эта категория до сих пор не получила. Это связано с новизной сферы и с тем, что понятие «суверенитет» противоречит установкам, на которых исторически основывалось развитие ЕС (постсуверенность, поощрение взаимозависимости, универсалистское продвижение ценностей и норм). Интенсивные дискуссии о цифровом суверенитете среди представителей Евросоюза и его институтов отражают стремление сохранить специфику объединения и одновременно адаптировать ЕС к новым реалиям.

Цель статьи – выявить тренды официального дискурса о цифровом суверенитете Евросоюза, что позволит определить логику действий объединения в данной сфере и пространственные последствия принимаемых мер. Ранее исследователи пытались установить значение цифрового суверенитета ЕС исходя из теории международных отношений и исследований цифровой среды [Зиновьева, Булва, 2021], анализа документов ЕС [Roberts et al., 2021], а также конструирования категории «суверенитет» [Barrinha, Christou, 2022]. Новизна статьи состоит в том, что ее теоретико-методологической основой выступает критическая геополитика.

В следующем разделе суммированы ключевые аспекты категории «суверенитет» и критической геополитики, резюмированы основные этапы развития дискурса о цифровом суверенитете в ЕС и представлена эмпирическая база исследования. Далее описаны три константы, присутствующие в официальном дискурсе о цифровом суверенитете. Затем сформулированы дихотомии, возникающие из противоречий между классической акторностью ЕС и новациями, исходящими из восприятия представителей Евросоюза современных реалий и цифровой среды. В заключительном разделе сделаны выводы относительно эволюции объединения и перспектив его дальнейшей деятельности.

(Цифровой) суверенитет и критическая геополитика

Категория «суверенитет» занимает центральное место в теории международных отношений. Ее возникновение связывают с трудами Ж. Бодена [Bodin, 1967] и Вестфальским мирным договором. Суверенитет имеет два измерения: верховенство власти на определенной территории составляет суть внутренней политики; незави-

симось от влияния извне стало основой современных отношений. Таким образом, суверенитет занимает пограничное положение между упорядоченным внутренним и хаотичным внешним пространствами [Bartelson, 1995].

Функционально С. Краснер [Krasner, 2001] выделяет четыре атрибута (вида) суверенитета: признание другими акторами, внутреннее верховенство власти, вестфальскую независимость от влияния извне и управление взаимозависимостью с внешним миром. Применительно к ЕС можно говорить о постепенном его признании другими акторами и укреплении внутреннего суверенитета за счет перераспределения компетенций от стран-членов на наднациональный уровень. Брюссель традиционно стремился управлять взаимозависимостью через использование силы рынка [Damro, 2012], распространение ценностей, норм [Manners, 2002] и правил [Bradford, 2020] на других, а не применять вестфальскую логику, ограничивающую взаимодействие и взаимное влияние.

Содержание категории «суверенитет» эволюционировало. На первом этапе требовалось ограничить влияние церкви и других акторов в пользу монарха. Затем носителем суверенитета почти повсеместно стал народ. Вначале речь шла о политическом суверенитете, затем на повестке появился экономический суверенитет. В XX в. суверенитет был задействован для разграничения пространств метрополий и колоний. В цифровой среде на первых порах было принято говорить о неподконтрольности и тотальной свободе [Pohle, Thiel, 2020]. Однако в последние годы все традиционные акторы наращивают присутствие в этой сфере [Гладышева и др., 2021], увязывая сохранение политического суверенитета с контролем над ней и независимостью от других игроков.

Критическая геополитика изучает, как «политические акторы структурируют пространство международной политики и представляют “мир”» [Kuus, 2010] и как дискурсивно формируются представления о пространствах и границах. Акторы и территории существуют материально, но именно в дискурсивной формации они обретают свое значение [Campbell, 1993: 9]. Выделяется три типа дискурсов: формальная геополитика (научные работы), практическая геополитика (дискурс политиков, бюрократов) и популярная геополитика (бытовые представления о мире). Практическая геополитика представляет особый интерес, как синтез формальной и популярной геополитики [Ó Tuathail, Agnew, 1992: 193], поскольку она определяет природу актора и его действия. В связи с этим статья фокусируется на категории «цифровой суверенитет» в документах ЕС и выступлениях его представителей.

Суверенитет – одна из ключевых категорий для критической геополитики, поскольку «современное государство базируется не на принципе суверенитета вне времени, а на продуцировании нормативных концепций, которые уникальным образом и в особом месте связывают власть, территорию, население (общество, нацию) и признание» [Biersteker, Weber, 1996: 3]. Любой актор – это результат дискурса о суверенитете [Kuus, 2010], а суверенитет – «место политической борьбы... за закрепление значения ... таким образом, чтобы конституировать [актора]» [Weber, 1995: 3]. Интенсивные дискуссии о суверенитете, как правило, сигнализируют о наличии проблем [Agnew, 2018: 103] и необходимости переосмысления про-

странств и актора. Следовательно, изменение дискурса ЕС о цифровом суверенитете позволяет проследить трансформацию сущности объединения и характера действий в мире.

Категория «цифровой суверенитет Евросоюза» появляется в документах ЕС в 2015 г. В 2017 г. президент Франции Э. Макрон инициировал дебаты о стратегическом суверенитете. Дискурс о цифровом суверенитете интенсифицировался в 2019 г. с приходом нового руководства Европейской комиссии. Ее глава У. фон дер Ляйен использовала термины «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет» как синонимы. Последний означает оборудование и разработки во всех отраслях экономики, но в рамках статьи рассмотрен только его цифровой аспект. О широте и интенсивности использования данных терминов позволяет судить база официальных документов Евросоюза *EUR-LEX*. Она демонстрирует постоянный рост употребления этих понятий. Они используются в юридически обязательных актах и их проектах, в заключениях Совета ЕС и Европейского совета, в сообщениях Комиссии и иных текстах, разъясняющих или обсуждающих текущую политику объединения и предлагаемые новации (Табл. 1). Кроме того, более 50 речей представителей ЕС посвящены цифровому и технологическому суверенитету. Наиболее активно по этому вопросу высказываются комиссар по вопросам внутреннего рынка Т. Бретон, Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель, председатель Европейского совета Ш. Мишель, представители Германии и Франции, а также У. фон дер Ляйен. Одни документы конкретизируют значение цифрового (технологического) суверенитета, другие – используют его как цель, о сути которой можно судить по обсуждаемым инструментам.

Таблица 1

Использование терминов «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет» в документах ЕС

Вид суверенитета \ Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023 (январь-апрель)
Цифровой суверенитет	2	-	3	9	4	16	59	59	7
Технологический суверенитет	-	-	-	1	10	38	76	50	8

Составлено автором на основе базы документов Европейского союза *EUR-LEX*.

Тексты позволили выделить три константы и пять дихотомий в дискурсе Евросоюза о цифровом (технологическом) суверенитете. Они демонстрируют, как ЕС интерпретирует новую категорию и интегрирует ее в сложившуюся систему взглядов и инструментов.

Константы дискурса о цифровом суверенитете

1. Ориентация на ценности

Доминантой дискурса ЕС (ранее ЕЭС) всегда были ценности. Концепция «цифровой суверенитет» четко следует этой логике. Согласно У. фон дер Ляйен, ««цифровой суверенитет» – не просто экономическая концепция», а «продвижение ценностей в цифровом мире»¹. Декларация по цифровым свободам ЕС также говорит о достижении цифрового суверенитета «на основе уважения фундаментальных прав, верховенства закона и демократии»². Нормативная составляющая становится основой для продвижения Евросоюзом своей модели регулирования цифровой сферы, которая позиционируется как альтернатива ультрарыночной американской и государствоцентричной китайской, а также как «цифровой суверенитет граждан»³. Предполагается, что регулятивная сила ЕС, т. н. брюссельский эффект, будет способствовать распространению этой модели в мире [Bradford, 2020].

Однако в дискурсе ЕС постепенно увеличивается акцент на внешних угрозах ценностям: технологии искусственного интеллекта, произведенные вне Евросоюза, не всегда уважают ценности и нормы объединения⁴; данные граждан могут оказаться незащищенными, а на политические предпочтения повлиять извне⁵. Евросоюз постепенно меняет вектор нормативности от продвижения ценностей вовне к их защите на своей территории. При этом Евросоюз готов сотрудничать с третьими странами – с США и теми, кто разделяют озабоченность угрозами, которые цифровая сфера создает демократическим ценностям⁶. Таким образом, под вопросом оказывается универсальность сотрудничества: его география ограничивается.

2. Строительство внутреннего рынка

Экономической основой деятельности ЕС в мире всегда был внутренний рынок. Он выступает основой цифрового суверенитета: чтобы «быть суверенным в цифровом плане, ЕС должен построить цифровой внутренний рынок»⁷. Последний позво-

¹ Von der Leyen U. Internet, a new human right. Brussels. 28.10.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_20_1999 (дата обращения: 21.04.2023).

² European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade. 23.01.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:JOC_2023_023_R_0001 (дата обращения: 21.04.2023).

³ Le Maire B. La souveraineté numérique de l'Union européenne. Paris. 07.02.2022. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/283706-bruno-le-maire-07022021-souverainete-numerique-de-lunion-europeenne> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Impact Assessment Accompanying the Proposal for a Regulation Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). 21.04.2021. SWD/2021/84 final.

⁵ European Parliament. Resolution on shaping the digital future of Europe. 20.05.2021. 2022/C 15/22.

⁶ Там же.

⁷ European Council. Conclusions. Brussels. 02.10.2020. EUCO 13/20.

лит устанавливать стандарты¹, создавать условия для развития крупных европейских компаний², улучшить переговорную позицию в мире. Конкретные действия не уникальны: устранение существующих барьеров, соблюдение принятого законодательства, развитие конкуренции³.

Для наименования большинства новых норм в регулировании цифровой сферы используется термин «акт», а не привычные для ЕС понятия «директива» или «регламент». Это подкрепляет риторику суверенитета. Другим изменением стала последовательность «внутреннее – внешнее». Формирование внутреннего рынка выступало ранее условием для усиления акторности ЕС на внешней арене. Теперь недружественная внешняя среда, например исходящие извне угрозы злоупотребления данными, дезинформации⁴, технологических войн США и Китая⁵, стимулирует ускорение внутренней интеграции. Таким образом, дискурс о внутреннем рынке становится более державным и оборонительным, границы с внешним миром прорезываются резко. Эта тенденция также характеризует интеграцию развитых стран в других сферах [Буторина, 2021].

3. Лидерство в мире

Лидерство – постоянный элемент дискурса ЕС. Т. Бретон приравнивает суверенитет к технологическому и промышленному лидерству⁶. Европейский совет подчеркивает важность «лидерства в ключевых международных цифровых стоимостных цепочках»⁷, а Европейский парламент – «амбиции лидировать ... в разработке норм для цифровой экономики»⁸. Суть лидерства становится предметом дискуссии. Первая реакция – сделать ставку на сотрудничество, ценности и нормы. У. фон дер Ляйен подчеркивает стремление ЕС быть «глобальным лидером в цифровой трансформации, которая ставит людей в центр... устанавливать стандарты... чтобы га-

¹ Juncker J.-C. State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty. Strasbourg. 12.09.2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (дата обращения: 21.04.2023).

² European Council. Conclusions.

³ Spain-Netherlands Non-Paper on Strategic Autonomy while Preserving an Open Economy. 25.03.2021. URL: <https://www.euractiv.com/section/all/news/joint-spanish-dutch-non-paper-on-eu-strategic-autonomy/> (дата обращения: 21.04.2023); Babiš A., Löfven S., Bettel X., Nauseda G., De Croo A., Martin M., Kariņš K., Morawiecki M. Letter on Digital Sovereignty. 08.03.2021. URL: https://edri.org/wp-content/uploads/2021/03/POLITICO_Letter-on-digital-sovereignty-by-8-EU-countries.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Jourova V. Building Europe's Digital Sovereignty. Paris. 07.02.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_851 (дата обращения: 21.04.2023).

⁵ Breton T. Europe: The Keys To Sovereignty. 11.09.2020. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/europe-keys-sovereignty-thierry-breton> (дата обращения: 21.04.2023).

⁶ Breton T. Sovereignty, selfassurance and solidarity: Europe in today's geopolitics. 05.09.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5350 (дата обращения: 21.04.2023).

⁷ Council Conclusions on shaping Europe's digital future. Brussels. 16.06.2020. 2020/C 202 I/01.

⁸ European Parliament. Resolution.

рантировать свой цифровой суверенитет»¹. Отмечается также необходимость технологического, производственного лидерства. Для его обеспечения предлагается использовать, например, научно-исследовательскую политику. Особо выделяются технологии искусственного интеллекта, квантовые компьютеры и чипы. Таким образом, привычные нормативные инструменты лидерства дополняются материальным производством.

Дихотомии дискурса о цифровом суверенитете

1. Наивность или геополитика

Категория «геополитика» активно входит в дискурс ЕС в конце 2019 г. с обновлением руководства Европейской комиссии. Ж. Боррель объясняет текущий геополитический контекст как «беспрецедентную конкуренцию», «силовую политику», «многополюсный мир без эффективного мультилатерализма», «стратегическую конкуренцию США и Китая», «все более конфликтную взаимозависимость», имперскую логику в действиях отдельных акторов, а также снижение уровня свободы и демократии в мире². Представители ЕС противопоставляют геополитике наивность, под которой подразумевают веру в либеральную логику. Комиссар В. Журо-ва считает цифровой суверенитет отказом от наивности³. Т. Бретон подчеркивает, что Евросоюзу необходимо быть реалистичным. Только технологический суверенитет превратит ЕС в «игрока в глобальной геополитике»⁴.

Геополитическая риторика приобретает конкретное измерение. В области полупроводников «технологии и геополитику невозможно отделить друг от друга»⁵. Необходимыми в условиях новой геополитики предстают стратегия кибербезопасности, создание собственного цифрового промышленного потенциала, контроль развития сетей 5G. Иными словами, институты ЕС технократизируют геополитическую риторику, интегрируя ее в конкретные инициативы. Дихотомия «наивность – геополитика» указывает на процесс взросления, т. е. однонаправленность движения от наивности к геополитике, т. к. нельзя вернуть молодость и наивность. Однако геополитизация неминуемо входит в конфликт с классическими представлениями о Евросоюзе и провоцирует возникновение других дихотомий.

2. Взаимозависимость или зависимость

Традиционно Евросоюз стимулировал глобальную взаимозависимость. «История европейского проекта демонстрирует выгоды хорошо управляемой взаимозави-

¹ Von der Leyen. Internet, a new human right.

² Borrell J. Cyber diplomacy and shifting geopolitical Landscapes. 14.09.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/cyber-diplomacy-and-shifting-geopolitical-landscapes_en (дата обращения: 21.04.2023).

³ Jourova V. Building Europe's Digital Sovereignty.

⁴ Borrell J., Breton T. For a united, resilient and sovereign Europe. 08.06.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/united-resilient-and-sovereign-europe-thierry-breton_en (дата обращения: 21.04.2023).

⁵ Breton T. Sovereignty, selfassurance and solidarity.

симости», поскольку последняя приносит «процветание, справедливость, стабильность, конкурентоспособность и динамизм»¹. Однако на современном этапе взаимозависимость стала восприниматься настороженно. Комиссар М. Вестагер отмечает, что «в цифровом мире наша безопасность, наше процветание, даже наша свобода слишком сильно зависят от других вокруг нас. Поэтому Европе необходим цифровой суверенитет»². Ш. Мишель подчеркивает, что «некоторая взаимозависимость нормальна и даже желательна. Но зависимость нежелательна»³. Таким образом, постепенно в дискурсе ЕС начинает доминировать страх зависимости.

В результате все активнее звучат тезисы о суверенитете как о создании собственных производственных мощностей. Хранение и обработка данных вне ЕС «создает стратегическую зависимость и риски»⁴ и требует локализации на территории Евросоюза. Наконец, угрозы цифровому суверенитету Брюссель видит в отсутствии контроля над необходимыми для цифровых технологий материалами. Предлагается диверсификация поставщиков, альянсы с третьими странами, повторная переработка.

Таким образом, взаимозависимость упоминается в большинстве текстов о цифровом суверенитете, но представители ЕС интерпретируют ее как уязвимость. Цифровой суверенитет в этом контексте понимается как насущное повышение автономии. Классическая установка на благотворность международных связей вытесняется: там, где ранее ЕС стремился нивелировать границы, они четко прочерчиваются.

3. Открытость или протекционизм

Исторически Евросоюз поддерживал открытость и выступал против протекционизма, что отразилось в дискуссиях о цифровом суверенитете. А. Меркель, например, отмечала, что «цифровой суверенитет не подразумевает протекционизм... а описывает способность индивида и общества задавать характер цифровой трансформации»⁵. Страны ЕС также настаивали, что «цифровой суверенитет... не говорит об исключении других или о протекционизме» и проблему зависимости надо решать через глобальные цепочки поставок⁶, основанную на правилах торговли¹ и сохранение рынков открытыми².

¹ European Commission. Strategic Foresight Report 2021. The EU's capacity and freedom to act. Communication. Brussels. 08.09.2021. COM(2021)750final.

² Vestager M. The EU's capacity to act in a digital world. Brussels. 26.05.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/vestager/announcements/eus-capacity-act-digital-world_en (дата обращения: 21.09.2022).

³ Michel C. EU's Digital Revolution: fueling our connectivity strategy. Tallinn. 07.09.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/09/0...peech-by-president-charles-michel-at-the-tallinn-digital-summit/> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ European Commission. Strategic Foresight Report 2021.

⁵ Merkel A. Speech opening the 14 Annual Meeting of the Internet Governance Forum. Berlin. 26.11.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/service/archive/speech-by-federal-chancellor-dr-angela-merkel-opening-the-14th-annual-meeting-of-the-internet-governance-forum-in-berlin-on-26-november-2019-1701494> (дата обращения: 21.04.2023).

⁶ Merkel A., Frederiksen M., Marin S., Kallas K. Letter on digital transformation. Berlin, Copenhagen, Helsinki, Tallinn. 01.03.2021. URL: <https://www.politico.eu/wp->

Однако восприятие мировых реалий стимулировало изменения. Стратегический форсайт 2021 г. подчеркнул, что «Евросоюзу необходимо выстраивать глобальные партнерства коннективности» только «с отдельными странами и регионами»³. М. Вестагер выделила два направления действий в рамках цифрового суверенитета: «правильные нормы... чтобы защитить европейцев от влияния иностранных государств» внутри ЕС; «работа с одинаково мыслящими государствами» вне объединения⁴. Таким образом, четко дифференцируются внутреннее и внешнее пространства, сужается круг партнеров. Т. Бретон развил эту линию: «в новом геополитическом порядке Европа действует как стратег, а не просто как рынок. Она остается открытой, но на своих условиях»⁵.

В результате в большинстве документов устоялась компромиссная фраза о стремлении Евросоюза «обладать цифровым суверенитетом в открытом и связанном мире»⁶, где суверенитет явно ассоциируется с закрытостью. Категорией «цифровой суверенитет» ЕС оправдывает локализацию данных, возникает даже термин «суверенитет данных». Брюссель также артикулирует необходимость размещения на своей территории производства чипов, развития собственных спутниковой системы, сетей передачи данных, облачных хранилищ и систем искусственного интеллекта. Отказ от импорта обосновывается соображениями защиты прав граждан и помощью европейскому бизнесу, а меры торговой защиты выступают инструментами защиты цифрового суверенитета⁷. В результате получает развитие протекционизм, ограничение пространства ЕС, его автономия. Эксперты говорят о цифровом суверенитете ЕС как о регулятивном меркантилизме [Farrand, Carrarico, 2022].

4. Рынок или вмешательство государства

Традиционно в Евросоюзе соперничают политика конкуренции и промышленная политика. Первая направлена на обеспечение наилучших условий для рыночных отношений, вторая – на стимулирование желаемого развития за счет вмешательства государства. Концепция цифрового суверенитета обостряет противоречие между этими направлениями деятельности. Игроки не оспаривают необходимость

content/uploads/2021/03/01/DE-DK-FI-EE-Letter-to-COM-President-on-Digital-Sovereignty_final.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

¹ Spain-Netherlands Non-Paper on Strategic Autonomy while Preserving an Open Economy.

² Babiš A., Löfven S., Bettel X., Nauseda G., De Croo A., Martin M., Kariņš K., Morawiecki M. Letter on Digital Sovereignty.

³ European Commission. Strategic Foresight Report 2021.

⁴ Vestager M. The EU's capacity to act in a digital world.

⁵ Breton T. The Geopolitics of Technology. 27.07.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/breton/announcements/geopolitics-technology_en (дата обращения: 02.04.2022).

⁶ European Commission. Proposal for a Decision of the European Parliament and of the Council Establishing the 2030 Policy Programme “Path to the Digital Decade”. Brussels. 15.09.2021. COM(2021)574final.

⁷ European Commission. Implementing Regulation Imposing a definitive anti-dumping duty on imports of optical fibre cables originating in the People's Republic of China. 17.11.2021. 2021/2011.

вмешательства публичных властей в рынок. Для этого выдвигаются как минимум два обоснования: «защита граждан, бизнеса и общества»¹ и укрепление глобальной конкурентоспособности Евросоюза².

Дискуссии в ЕС развиваются вокруг того, какое вмешательство общественных властей эффективнее. Умеренный взгляд – это создание благоприятных для бизнеса условий³. Предлагаются также более дирижистские методы, такие как создание специального агентства прорывных инноваций и европейских компаний-чемпионов, альянсы производителей, проекты панъевропейского интереса. Звучат идеи о жестком мониторинге иностранных инвестиций⁴. Французский министр Б. Ле Мэр квалифицировал приверженность конкурентным правилам в цифровой сфере как «глупость, трусость, провал»⁵, что представляет крайнюю позицию в рассматриваемой дихотомии. Таким образом, концепция цифрового суверенитета сдвигает акцент в сторону государственного вмешательства.

5. Суверенитет через нормы или через производство

Регулятивное лидерство всегда было основой действий Евросоюза в мире. Способность ЕС выработать правила, применяемые за его пределами, с суверенитетом впервые связал бывший глава Комиссии Ж.-К. Юнкер⁶. Европейский совет также подчеркивал, что цифровой суверенитет требует «укрепления способности [ЕС] определять свои правила... а на международном уровне ЕС будет... очерчивать глобальные правила и стандарты»⁷. Такой подход подкрепляется защитой ценностей ЕС. В качестве примера эффективности Евросоюза приводится Общий регламент о защите личных данных, имеющий экстрагосударственный характер. На укрепление суверенитета через нормы направлена новая стратегия стандартизации.

В то же время ЕС постепенно понимает, что невозможно определять стандарты для товаров и услуг, которые он не производит. Так появляется дихотомия «суверенитет через регулирование или через материальное производство». Х. Маас отмечает, что «суверенитет через регулирование – это хорошо... но суверенитет через способность – значительно лучше, и нам надо к этому стремиться»⁸. В Хартии прав в цифровой среде все страны ЕС подчеркивают необходимость дополнить «способ-

¹ Von der Leyen U. Brussels Shaping Europe's digital future. 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/AC_20_260 (дата обращения: 21.04.2023).

² European Commission. A Chips Act for Europe. Brussels. 08.02.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022DC0045> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Berlin Declaration on Digital Society and Value-Based Digital Government at the ministerial meeting during the German Presidency of the Council of the European Union on 8 December 2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/berlin-declaration-digital-society-and-value-based-digital-government> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ European Commission. Strategic Foresight Report 2021.

⁵ Le Maire B. La souveraineté numérique de l'Union européenne.

⁶ Juncker J.-C. State of the Union 2018.

⁷ European Council. Conclusions.

⁸ Maas H. European digital sovereignty. 27.10.2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/maas-bitkom/2410398> (дата обращения: 21.04.2023).

ность определять правила» «развитием и внедрением цифровых технологий и инфраструктуры»¹. На это настроена поддержка научных исследований в ЕС. Де-факто эта дихотомия обозначает пределы регулятивного универсализма, который ранее составлял суть акторности ЕС в мире. Она также жестче обозначает границы, подкрепляет поворот к автономии в дискурсе о цифровом суверенитете ЕС.

Результаты анализа и выводы

Интенсификация дискурса о цифровом (технологическом) суверенитете отражает наличие вопросов: что является в данной сфере высшей регулятивной инстанцией, как и в какой мере гарантируется независимость от внешнего давления и контроль внутреннего пространства. Сложности ЕС вызваны как становлением новой специфической сферы, которую невозможно однозначно привязать к территории, так и возрастанием конфликтности мировой политики (ее геополитизацией в терминологии Евросоюза). Первая причина требует активного участия ЕС как более крупного субъекта, поскольку государства-члены по одному не могут справиться с негативными последствиями. Вторая – требует изменений в характере деятельности объединения. Концепт «суверенитет» способствует этой трансформации.

В дискурсе Евросоюза о цифровом суверенитете выделяются следующие константы: акцент на ценностях, стремление использовать потенциал внутреннего рынка, а также утверждение лидерства в мире. В официальных документах и речах также можно выявить пять дихотомий: наивность – геополитика; взаимозависимость – зависимость; открытость – закрытость (протекционизм); рынок (конкуренция) – государственное вмешательство; суверенитет через правила или через производство технологий. Константы и дихотомии поддерживают друг друга (Рис. 1). Ценности и стремление к лидерству используются для оправдания всех действий. Они легитимируют категорию «цифровой суверенитет» на наднациональном уровне, а также европейскую модель регулирования цифровой среды. Совершенствование внутреннего рынка задействуется в большинстве дихотомий. Геополитика определяет динамику четырех других дихотомий, ведет к требованиям автономии, собственному производству, стремлению оказывать государственную помощь, продвигать стандарты и стимулировать локализацию.

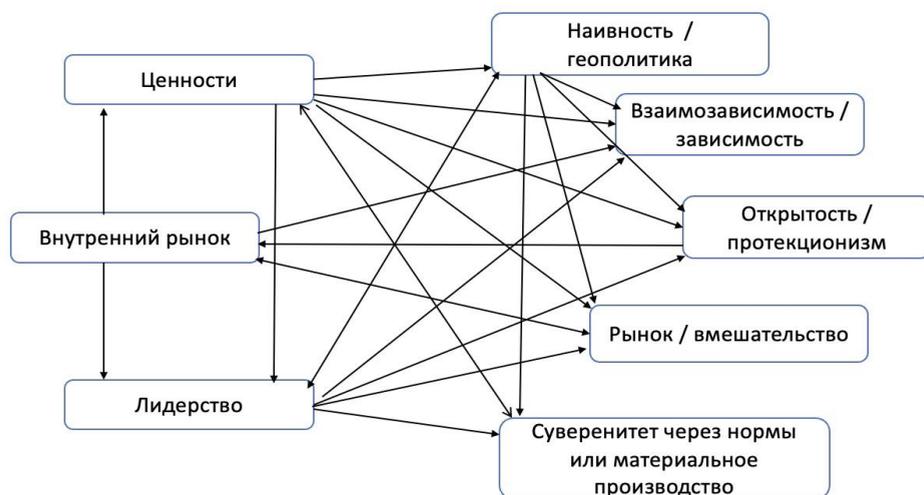
Анализ дискурса о цифровом (технологическом) суверенитете ЕС показал изменения в константах: от ценностной экспансии к защите норм внутри ЕС от внешних опасностей; от движения по вектору «внутренняя политика → внешнее влияние» к вектору «угроза извне → внутренняя консолидация»; от лидерства через правила к стремлению его дополнить собственным производством. В дихотомиях предпочтительными оказываются геополитика, ограничение взаимозависимости, сужение ареала сотрудничества, большие закрытость и протекционизм, активная промышленная политика, а также суверенитет через собственное производство.

¹ Council Secretariat General. Presidency conclusions. The Charter of Fundamental Rights in the context of Artificial Intelligence and Digital Change. Brussels. 21.10.2020. 11481/20.

В терминах С. Краснера пять дихотомий воплощают борьбу суверенитета взаимозависимости (наивность, взаимозависимость, открытость, конкуренция, суверенитет через правила) и вестфальского суверенитета (геополитика, ограничение зависимости, закрытость, промышленная политика, суверенитет через собственное производство). ЕС предпринял попытку реинтерпретировать категорию «суверенитет» на основе своих классических инструментов влияния (универсалистского продвижения ценностей, сотрудничества и взаимозависимости как основы мира и процветания, силы рынка и регулирования), но потерпел неудачу и предпочел перейти к вестфальскому суверенитету. Эволюция в интерпретации констант подкрепляет этот выбор.

Рисунок 1

Взаимное влияние констант и дихотомий в дискурсе Евросоюза о цифровом суверенитете

Дискурс о цифровом суверенитете Евросоюза свидетельствует о трансформации природы актора. Изменения заключаются в отказе ЕС от универсального продвижения ценностей и норм, поддержки цифрового пространства без границ и опоры исключительно на рынок и конкуренцию. Это преподносится как преодоление наивности предыдущего периода под влиянием восприятия внешней среды как враждебной. Такой взгляд фиксирует однонаправленность изменения (вернуть наивность невозможно). Потеря контроля над взаимозависимостью, понимание пределов регулятивного влияния и силы рынка ведут ЕС к признанию существующих связей негативной зависимостью. Это делает необходимыми большую автономию, жесткое прочерчивание границ, консолидацию внутреннего пространства и приверженность вестфальскому суверенитету над данными, сетями, технологиями, производством. Именно такой подход, согласно дискурсу ЕС, составляет суть его цифрового суверенитета и обеспечивает ему свободу действий.

Де-факто ЕС признает многополярность, но это не ведет к стремлению учитывать альтернативные взгляды и мировоззрения, а вызывает импульс четче прочертить границы между собой и другими. Это не отказ от нормативной силы, а придание ей оборонительного характера и ограничение ее пространства. Взаимодействие становится возможным только с акторами, разделяющими ценности ЕС, но и в этом случае оно должно быть осторожным, ограниченным, сохраняющим за Евросоюзом свободу действий.

Тренд на отказ от того, что было долгое время элементами силы Евросоюза и его оригинальности как актора, в пользу более геополитических действий проявляется наиболее четко в дискурсе о цифровом пространстве. Эта тенденция характеризует ЕС в сферах, в которых объединение описывают с помощью концепций «стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия».

Эволюция Евросоюза – это сближение с вестфальским видением суверенитета, свойственным и России на современном этапе. Он выражается в защите ценностного пространства, обеспечении верховенства правил на своей территории, локализации производственных мощностей и минимизации зависимости. Однако общность видения дополняется восприятием другой стороны как источника угроз, в ответ на которые необходимо усиливать суверенитет. Следовательно, концептуальное сближение в трактовке суверенитета повлечет не столько улучшение диалога Москвы и Брюсселя, сколько изменение характера конфронтации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутурин О.В. (2021) Цели региональной интеграции: современное понимание. *Мировая экономика и международные отношения*. № 65(10). С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
- Зиновьева Е., Булва В. (2021) Цифровой суверенитет Европейского союза. *Современная Европа*. № 2. С. 40–49. DOI: 10.15211/soveurope220214049
- Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенков А. (2021) Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России. *Международные процессы*. № 19(4). С. 47–67. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.6
- Agnew J. (2018) *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. Rowman & Littlefield, Lanham, USA. 290 p.
- Barrinha A., Christou G. (2022) Speaking sovereignty: the EU in the cyber domain, *European Security*. No. 31(3). P. 356–376. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102895
- Bartelson J. (1995) *A genealogy of sovereignty*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 317 p.
- Biersteker T.J. Weber C. (1996) The social construction of state sovereignty. *State sovereignty as social construct*. Ed. by T.J. Biersteker, C. Weber. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 298 p.
- Bodin J. (1967) *Six books on the Commonwealth*. Basil Blackwell, Oxford, UK. 212 p.
- Bradford A. (2020) *The Brussels Effect*. Oxford University Press, New York, USA. 424 p.
- Campbell, D. (1993) *Politics without Principle: Sovereignty, Ethics, and the Narratives of the Gulf War*. Lynne Rienner, Boulder, USA. 128 p.
- Couture S., Toupin S. (2019) What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *New media & society*. No. 21(10). P. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984
- Damro C. (2012) Market Power Europe. *Journal of European Public Policy*. No. 19(5). P. 682–699.
- Farrand B., Carrapico H. (2022) Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity. *European Security*. No. 31(3). P. 435–453. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102896

Glasze G., Cattaruzza A., Douzet F., Dammann F., Bertran M.-G., Bômont C., Braun M., Danet D., Desforges A., Géry A., Grumbach S., Hummel P., Limonier K., Münbinger M., Nicolai F., Pétiinaud L., Winkler J., Zanin C. (2023) Contested Spatialities of Digital Sovereignty. *Geopolitics*. No. 28(2). P. 919–958. DOI: 10.1080/14650045.2022.2050070

Kuus M. (2010) Critical Geopolitics. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. Ed. by N. Sandal. Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.137

Manners, I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. No. 40(2). P. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353

Ó Tuathail G., Agnew J. (1992) Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy. *Political Geography*. No. 11 (2). P. 190–204.

Pohle J., Thiel T. (2020) Digital sovereignty. *Internet Policy Review*. No. 9(4). DOI: 10.14763/2020.4.1532

Roberts H., Cows J., Casolari F., Morley J., Taddeo M., Floridi L. (2021) Safeguarding European values with digital sovereignty: An analysis of statements and policies. *Internet Policy Review*. No. 10(3). DOI: 10.14763/2021.3.1575

Weber C. (1995) *Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 164 p.

Evolution of the “Digital Sovereignty” Concept in the EU: Constants and Dichotomies

T.A. Romanova*

Candidate of Sciences (Politics)

Associate Professor, Saint Petersburg State University

1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Petersburg, Russia, 193060

***E-mail:** *t.romanova@spbu.ru*

Abstract. The EU has recently actively discussed the concept of ‘digital (technological) sovereignty’. The goal of this article is to identify key trends in the EU’s discourse on digital sovereignty and to determine how the EU has evolved as an actor. Theoretically the article is based on critical geopolitics. A discourse analysis of the EU’s documents and speeches of its representatives was made. The analysis has demonstrated three constants which include the emphasis on values, development of the internal market and leadership aspirations. The study also identified five dichotomies: naivety – geopolitics, interdependence – dependence, openness – closeness / protectionism, market / competition – state intervention, sovereignty through rules – sovereignty through material production. It has been revealed how the EU tries to reconcile its classical power instruments (emphasis on interdependence, cooperation, universal promotion of values and norms) and greater autonomy, demanded by its perception of today’s world. Although the texts remain ambiguous, the Westphalian sovereignty dominates. It means the EU’s refusal to promote the universal values and norms, harsher order-drawing, further consolidation of its internal space, narrowing of cooperation to like-minded countries. The EU thus departs from the classical elements of its power and influence in the world. This trend is very strong in the digital sphere but is not limited to the latter.

Key words: European Union, digital sovereignty, technological sovereignty, values, leadership, critical geopolitics, geopolitics, digital space, Westphalian sovereignty, interdependence

DOI: 10.31857/S0201708323040022

EDN: bvrnq

REFERENCES

- Agnew J. (2018) *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*, Rowman & Littlefield, Lanham, USA.
- Barrinha A., Christou G. (2022) Speaking sovereignty: the EU in the cyber domain, *European Security*, 31(3), pp. 356–376. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102895
- Bartelson J. (1995) *A genealogy of sovereignty*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Biersteker T.J., Weber C. (1996) The social construction of state sovereignty, in *State sovereignty as social construct*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Bodin J. (1967) *Six books on the Commonwealth*. Basil Blackwell, Oxford, UK.
- Bradford, A. (2020) *The Brussels Effect*. Oxford University Press, New York, USA.
- Butorina O.V. (2021) Celi regional'noj integracii: sovremennoe ponimanie [Goals of Regional Integration: a Modern Understabling], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 65(10), pp. 5–14. (In Russian).
- Campbell D. (1993) *Politics without Principle: Sovereignty, Ethics, and the Narratives of the Gulf War*, Lynne Rienner, Boulder, USA.
- Couture S., Toupin S. (2019) What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *New media & society*, 21(10), pp. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984
- Damro C. (2012) Market Power Europe, *Journal of European Public Policy*, 19(5), pp. 682–99.
- Farrand B., Carrapico H. (2022) Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity, *European Security*, 31(3), pp. 435–453. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102896
- Glasze G., Cattaruzza A., Douzet F., Dammann F., Bertran M.-G., Bômont C., Braun M., Danet D., Desforges A. Géry A., Grumbach S., Hummel P., Limonier K., Münßinger M., Nicolai F., Pétiñaud L., Winkler J., Zanin C. (2023) Contested Spatialities of Digital Sovereignty, *Geopolitics*, 28(2), pp. 919–958. DOI: 10.1080/14650045.2022.2050070
- Kuus M. (2010) Critical Geopolitics, in Sandal N. (ed.) *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*, Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.137
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 40(2), pp. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353
- Ó Tuathail G., Agnew J. (1992) Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy, *Political Geography*, 11(2), pp. 190–204.
- Pohle, J., Thiel, T. (2020) Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). DOI: 10.14763/2020.4.1532
- Rebro O., Gladysheva A., Suchkov M., Sushenkov A. (2021) Kategorija «cifrovogo suvereniteta» v sovremennoj mirovoj politike: vyzovy i vozmozhnosti dlja Rossii [The notion of “Digital Sovereignty” in Modern World Politics. Challenges and Opportunities for Russia], *Mezhdunarodnye process*, 19(4), pp. 47–67. (In Russian).
- Roberts H., Cows J., Casolari F., Morley J., Taddeo M., Floridi L. (2021) Safeguarding European values with digital sovereignty: An analysis of statements and policies, *Internet Policy Review*, 10(3). DOI: 10.14763/2021.3.1575
- Weber C. (1995) *Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Zinov'eva, E., Bulva, V. (2021) Cifrovoy suverenitet Evropejskogo sojuza [EU Digital Sovereignty], *Sovremennaja Evropa*, 2, pp. 40–49 (In Russian).